

Т. В. КОВАЛЕВСКАЯ*

ORCID ID: 0000-0002-0527-2289

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ И В. Д. СПАСОВИЧ КАК РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОППОНЕНТЫ

Аннотация: В статье рассматривается фигура В. Д. Спасовича как юриста, философа права и литературного критика; в его антропоцентричной философии права отрицается существование абсолюта, а источником права становится сам человек как носитель имманентного качества справедливости, опредмеченного в уголовном праве. Мы утверждаем, что именно такое понимание права, последовательно проводимое во всех публичных выступлениях адвоката, послужило причиной длительного заочного спора Достоевского со Спасовичем. Другим предметом расхождений двух мыслителей был вопрос национально-фундированной истории, где Спасович стоял на позициях Белинского, Кавелина и раннего Чаадаева. В статье также указывается, что полемика Достоевского со Спасовичем не была односторонней, но публичная реплика Спасовича была сделана уже после смерти Достоевского и относилась к Пушкинской речи писателя. Спасович предлагал свой собственный взгляд на вопрос национальных основ творчества Пушкина, прямо отрицая положения Пушкинской речи Достоевского.

Ключевые слова: философия права, религиозные основы права, «Учебник уголовного права», национально-фундированная историософия, абсолют.

T. V. KOVALEVSKAYA

FYODOR DOSTOEVSKY AND VLADIMIR SPASOVICH AS RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL OPPONENTS

Annotation: The article discusses the figure of Vladimir D. Spasovich as a lawyer, a philosopher of law, and as a literary critic. His anthropocentric philosophy of law denies the absolute as such, and the source of law is placed the concept of justice as an attribute of the human being; criminal law objectifies this

* Татьяна Вячеславовна Ковалевская, д-р филос. наук, зав. кафедрой европейских языков Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; Tatyana Vyacheslavovna Kovalevskaya, Dr. of Philosophy, Head of the Department of European Languages at the Institute of Linguistics of the Russian State University for the Humanities. tkowalewska@yandex.ru

attribute. The article claims that this concept of law has been consistently present in all of Spasovich's public speeches and caused Dostoevsky's long-standing polemic with Spasovich. Another point of divergence between the two thinkers was the matter of ethnically specific idea of history where Spasovich was of the same mind as Belinsky, Kavelin, and early Chaadaev. The article also points out that the argument between Dostoevsky and Spasovich was not entirely one-sided, but the lawyer joined the fray after the writer's death. In his own Pushkin speech, Spasovich offered his own take on the ethnic foundations of Pushkin's works and directly argued with Dostoevsky's Pushkin speech.

Key words: philosophy of law, religious foundations of law, *Criminal Law Textbook*, ethnicity-based historiosophy, the absolute.

Фигура Владимира Даниловича Спасовича (1829–1906), русского юриста, литературоведа, публициста, историка, не получила, как представляется, должного внимания в контексте изучения художественной мысли Ф. М. Достоевского. Спасович упоминается в связи с делом С. Л. Кроненберга (Достоевский называет его Кронебергом) и нечаевцев (он защищал А. К. Кузнецова, непосредственного участника убийства, П. Н. Ткачева и Е. Х. Томилову), а также в качестве прототипа адвоката Фетюковича в «Братьях Карамазовых». Из этого складывается впечатление, что В. Д. Спасович был прежде всего юристом и именно в таком качестве заслужил неблагоприятное отношение Достоевского, особенно, как указывает Ю. В. Юхнович, в связи с разочарованием в судебной реформе и личным печальным опытом писателя в общении с представителями адвокатского сословия¹. Не претендуя на исчерпывающее описание значения Спасовича для Достоевского, мы рассмотрим фигуру Спасовича в связи с его философией права, с некоторыми уголовными процессами, где он выступал в роли защитника, с Пушкинской речью и философией истории в целом.

Спасович придерживался либеральных взглядов, был другом К. Д. Кавелина, высоко ценил его работу «Взгляд на юридический быт Древней России», в связи с которой В. Г. Белинский и К. Д. Кавелин обсуждали вопрос о начале личности в русском и германском народах, отрицая существование этого начала в «русском славянине» (выражение Кавелина) в противовес народам германским². Как и Белинского, и Кавелина, и Достоевского, Спасовича также весьма интересовала, если так можно выразиться, философия истории, построенная на национальных началах, хотя он занимал здесь позицию, противоположную позиции Достоевского. Спасович сотрудничал с «Вестником Европы», крайне негативно отзывался о М. Н. Каткове, редакторе «Русского вестника».

¹ Юхнович Ю. В. Адвокатская тема в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: современное состояние изучения / под ред. Т. А. Касаткиной. М., 2022. С. 597–607.

² См.: Jackson R. L. Unbearable Questions. Two Views of Gogol and the Critical Synthesis // Jackson R. L. Dialogues with Dostoevsky. The Overwhelming Questions. Stanford, 1983. P. 192–199.

Так, осуждая уходящего с должности министра просвещения Д. А. Толстого, В. Д. Спасович провозглашал: «Да пропадут и его вдохновители и руководители, водившие его на помочах, а во главе их тот мрачный митрополит реакции, покрутее московского Филарета, злой дух, превзошедший Аракчеева, Магницкого и, пожалуй, и Муравьева, хотя этот злой дух был только литератор и журналист, философ Страстного бульвара М. Н. Катков!»³

Исследователи отмечали, что «по содержанию своих речей В. Д. Спасович в каждом деле был не только защитником, но и мыслителем, для которого частный случай служил поводом для поднятия общих вопросов и их оценки с точки зрения политика, моралиста и публициста. Его речи часто представляют из себя, независимо от своего делового содержания, цельные отрывки из учения об обществе, об уголовной политике и о судебной этике»⁴; «в каждом судебном разбирательстве Владимир Данилович играл не только роль правозащитника, но и роль определенного философа, который сподвигал общество рассматривать частные случаи для поднятия насущных проблем всего общества»⁵. Таковым же Спасович предстал и в написанном им «Учебнике уголовного права» (1863).

Этот учебник стал достаточно значимым событием русской культуры, чтобы рецензию на первый выпуск напечатали в «Отечественных записках». Анонимного рецензента интересует не собственно уголовное право, а философия права и его основания в представлении Спасовича. Особенно рецензенту импонируют следующие строки из предисловия: «Я никогда не мог помириться с теориями безусловной справедливости; пришлось покончить и с эклектическими попытками согласования абсолютных теорий с утилитарными; пришлось *отказаться и от всякого вообще абсолюта*, отвергнуть все отвлеченности и, *став на почве реализма*, цель и задачу науки поставить в неусыпном наблюдении явлений живой действительности»⁶. Рецензент выделяет эти слова курсивом⁷. И действительно, значительная часть итогового объема учебника посвящена вопросу о том, на каком основании строится любая правовая система. Эти основания — философия права, определенные представления о человеке и обществе. Спасович делит основания права

³ Застольные речи В. Д. Спасовича в собраниях сословия присяжных поверенных округа С.-Петербургской судебной палаты (1873–1901). Лейпциг, 1903. С. 24. Речь была произнесена 27 апреля 1880 г.

⁴ Эсмантович И. И. Развитие представлений о правах и свободах человека в трудах В. Д. Спасовича // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. 2016. № 2 (95). С. 128.

⁵ Малофеев М. М., Желудков М. А. Влияние В. Д. Спасовича на становление института адвокатуры после судебной реформы 1864 года // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 7. С. 177.

⁶ Спасович В. Д. Учебник уголовного права. СПб., 1863. С. 2.

⁷ Учебник уголовного права, г. Спасовича // Отечественные записки. 1863. № 4. С. 91 (3-я пагинация).

на идеалистические и реалистические, они же абсолютные и относительные, т.е. признающие наказание целью права для осуществления возмездия и восстановления справедливости, или признающие наказание средством достижения иной цели, например охранения государства и закона. Есть также смешанные, или эклектические, теории, и теории, вообще отвергающие наказание. В абсолютных теориях совесть соразмеряет поступки с нравственным законом; такое представление о праве есть у Платона, Канта, Цахаризэ, Гегеля, Генке, Штала. Завершается разбор этих теорий их отрицанием и фундаментальным философским выводом о природе современного общества вообще: «Вера в абсолют потрясена теперь до основания. Нет безусловных истин, нет непреложных положений, нет действий безусловно добрых или злых. Целый порядок вещей, основанный на вере в безусловное, рушится и мы входим в мир новый, где все условно, где все относительно, где каждый предмет должен быть оцениваем по связи своей с другими предметами, <...> так что мы <...> никогда не дойдем до спокойной пристани абсолюта»⁸.

Далее Спасович разбирает относительные теории: теорию Фихте, Фейербаха, Бентама, теорию самозащиты государства, теорию вознаграждения, теорию частного предупреждения, теорию исправления. Общий вывод Спасовича таков: «Они стоят на почве действительности; они основаны на наблюдении фактов, на той или другой верно подмеченной черте в природе человека и общества. Их коренной недостаток есть узкость взгляда, односторонность. Изучив две, три черты в жизни, они полагают, что знают всю жизнь, что объяснят все явления общежития, между тем как эта жизнь гораздо полнее и сложнее, нежели они предполагают»⁹. Затем Спасович предлагает краткие обзоры теорий смешанных и теорий, отрицающих наказание в принципе. В группе последних оказываются учение утопического социалиста Р. Оуэна и выводы из кальвинистской теории предопределения.

Все эти теории представляются ему неудовлетворительными. «Критическая работа кончена; главнейшие теории уголовные разобраны и лежат перед нами в обломках», — пишет он и далее предлагает свое основание уголовной системы: юридическая система должна поддерживать жизнеспособность человеческого общежития, а основанием ее является справедливость, которую он полагает свойством человеческой природы. «Справедливость не есть что-то трансцендентное, а просто качество, присущее человеку (имманентное), вытекающее прямо из существа его природы. Это качество, будучи человеком создано, отвлечено, обобщено, сделано предметным, становится идеею справедливости, которая, таким образом, есть ничто иное, как отражение собственного же существа человека»¹⁰.

⁸ Спасович В. Д. Учебник уголовного права. С. 29.

⁹ Там же. С. 44.

¹⁰ Там же. С. 50.

Таким образом, «Учебник уголовного права», который современная Достоевскому пресса приветствовала как заполнение лакуны в уголовном праве, которую она справедливо полагала важнейшей областью жизни общества, рисует картину мироздания, в которой не существует абсолюта, а его место занимает человек, опредмечивающий имманентное ему качество справедливости, создавая из него замену абсолюту. Эти слова сопровождаются ссылкой на труд Иммануила Германа Фихте (инициалы ошибочно указаны как S. H.; сын Иоганна Готлиба Фихте) «Философское учение о праве, государстве и обычаях Германии, Франции и Англии». Мироздание потеряло абсолют как свой центр, но обрело новый центр в человеке. Эта концепция также косвенно связана с трудами Л. Фейербаха, о чем позже скажет сам Спасович: «Во время бытности моей в высших классах гимназии, во мне заговорило религиозное чувство, то я вдруг сделался восторженным пантеистом, я опьянел от божества, все было божеское и во мне и в природе и откровением была вся история. Этот пантеизм был прямою подготовкою к гегелевской школе, чрез которую я прошел; потом уже чрез К. Д. Кавелина я познакомился и с учением Людвига Фейербаха и уразумел, что божественное есть проекция нашего же собственного духа»¹¹. Подобные антропоцентрические взгляды фигурировали и в трудах старшего Фихте: «В человеке, в этом высшем и совершеннейшем ее творении, она (природа. — Т. К.) созерцает и познает себя; она в нем как бы удваивается и из простого бытия становится соединением бытия и сознания»¹².

К этой позиции близки слова Степана Трофимовича в «Бесах»: «...я в Бога верую, mais distinguons, я верую, как в существо, себя лишь во мне сознающее» (10, 33). (Возможно, они появились именно под влиянием Фихте-отца¹³.) Эта позиция фактически возносит тварь над творцом, делая тварь необходимой для творца, а не наоборот.

Появляется у Достоевского и справедливость как фундаментальное качество бытия. Она фигурирует в «Записках из подполья»: «Где у меня первоначальные причины, на которые я упрусь, где основания? Откуда я их возьму? Я упражняюсь в мышлении, а следственно, у меня всякая первоначальная причина тотчас же тащит за собою другую, еще первоначальнее, и т. д. в бесконечность. <...> Значит, он <человек> первоначальную причину нашел, основание нашел, а именно: *справедливость*. <...> Злость, конечно, могла бы все пересилить <...> и, стало быть, могла бы совершенно успешно послужить вместо первоначальной причины именно потому, что она не причина» (5, 107; курсив мой. — Т. К.).

¹¹ Спасович В. Д. Собрание сочинений. СПб., 1889–1902. Т. 9. С. 271.

¹² Фихте И. Г. Назначение человека // Фихте И. Г. Сочинения: в 2 т. СПб., 1993. Т. 2. С. 86.

¹³ О Достоевском и Фихте см., в частности: Евлампиев И. И. Достоевский и Фихте // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 21. СПб., 2016. С. 274–290.

Как уже указывалось ранее¹⁴, Достоевский здесь пользуется вторым доказательством бытия Божия св. Фомы Аквинского, и справедливость для него — синоним Бога. Таким образом, как раз во время работы Достоевского над «Записками из подполья» из печати выходит учебник уголовного права, отменяющий абсолютизм и ставящий на его место некое опредмеченное качество человека — и то же качество делает атрибутом божества подпольный человек. Нельзя отрицать возможности влияния философии права Спасовича на «Записки из подполья», где подпольный, для которого фундаментальным свойством является злость, пытается заменить справедливость опредмеченной злостью. Можно сделать вывод, что споры Достоевского со Спасовичем основаны не только на конкретных уголовных делах, в которых участвовал адвокат, но и на его взглядах на правосудие как таковое, а также на том, что эти взгляды предлагались всему обществу в качестве нормы. Отдельное уголовное дело создает прецедент. Учебник уголовного права объясняет нормы и основания жизни общества, на основании которых оно имеет право на суд над своими членами.

Антропология Спасовича выходит на первое место и на процессе об убийстве фон Зона (1870), где Спасович защищал проститутку Александру Авдееву, которая заманила фон Зона на квартиру его убийц, чоккалась с ним, чтобы подтолкнуть его выпить яд, а потом по приказу убийц шумела, чтобы не дать соседям услышать крики жертвы, на которую яд не подействовал, а потому фон Зона додушивали пледом и добивали утюгом. Учитывая интерес Достоевского к делу фон Зона, появившемуся в «Подружке» и «Братьях Карамазовых», довольно странно, что участие Спасовича в этом процессе не фигурирует ни в комментариях к этим романам, ни в исследованиях о Спасовиче и Достоевском. Между тем дело фон Зона и само по себе заслуживает внимания в сопоставлении с творчеством Достоевского и еще ждет более подробного исследования, и выступление Спасовича на этом процессе не лишено некоторых любопытных черт. Основной элемент в его защите — требование смягчения наказания для Авдеевой (чего он добился). Основанием всякой уголовной ответственности Спасович полагал понимание преступником собственной преступности, т. е. вменяемость. Поскольку отрицать вменяемость Авдеевой на основании умственной неполноценности было невозможно, Спасович избрал тактику представления ее невменяемой нравственно, если можно так выразиться. Здесь, особенно в сопоставлении с будущим процессом Кроненберга, ярко проявляются манипулятивные приемы Спасовича. В деле Кроненберга он

¹⁴ «Свои доказательства он почерпает преимущественно из Фомы Аквинского, но так как он об этом умалчивает, то читателю кажется, что эти мысли принадлежат собственно рассказчику» (*Салтыков-Щедрин М. Е.* Собрание сочинений: в 20 т. М., 1965–1977. Т. 4. С. 493); анализ соотношения богословия св. Фомы и повести Достоевского см. в: *Kovalevskaya T. V.* Dostoevsky and Scholastic Theology: Points of Intersection // Достоевский и мировая литература: филологический журнал. 2021. № 1. С. 106–123.

будет старательно замалчивать возраст его дочери (семь лет), выстав-ляя ее развращенным ребенком. В защите Авдеевой он, наоборот, под-черкивает ее возраст, упирая на то, что она с 15 лет занимается про-ституцией, причем развратил ее некий офицер, которому она отдалась «даром»¹⁵. В результате «она так рано предалась разврату, что у нее не было почти того промежуточного периода между состоянием, когда у дитяти еще нет стыдливости, и состоянием, когда уже нет и не может быть никакой стыдливости»¹⁶.

Более того, Авдееву в его изображении даже нельзя вполне назвать человеком. «Первый признак человека, как человека, то есть как суще-ства разумного, — говорит Спасович, — то, чем человек прежде всего отличается от животного, заключается в том, что он думает о себе, что он “себе на уме”, что он старается сделаться самостоятельным, не под-чиняться другим, а напротив того возвышается над ними и сам ста-рается подчинить других своему влиянию»¹⁷. Авдеева же «действует во всем как дрессированная собачка»¹⁸.

Однако такая характеристика человека, необходимая для целей Спа-совича в деле фон Зона, входит в противоречие с его теорией права, опирающейся на справедливость *общежития*, и далее он заявляет: «Я изобразил вам эгоизм как первую ступень человеческого бытия; вто-рая затем, которая ставит его еще выше, есть человечность или способ-ность чувствовать не только за себя, но и за других, видеть, как другой страдает, и самому переживать ту самую боль, те самые мучения, ко-торые испытывает страдалец. Эта-то способность и отсутствует вполне у Авдеевой. <...> она при мне плакала, но плакала только о себе, не о других»¹⁹. В некотором роде это заявление противоречит отсут-ствию у Авдеевой эгоизма, но Спасович, возможно, назвал бы поведе-ние Авдеевой животным эгоизмом. Примечательно, что Спасович стре-мится быть последовательным. Его философия права — действительно философия, целостность и последовательность которой он стремится поддерживать.

В следующем, 1871 г. Спасович выступал защитником некоторых нечаевцев, и газеты, в частности «Московские ведомости», печатали стенограммы всего процесса. Исследователи обращались к выступле-нию Спасовича, отмечая, что именно под влиянием его речи появилось в тексте «Бесов», в главе «Петр Степанович в хлопотах», стихотворе-ние «Светлая личность», которое пытались приписать Герцену — пародия на стихотворение «Студент», которое Нечаев приписывал Огареву, хотя Спасович утверждал, что на самом деле оно было таким скверным, что даже не самый лучший в мире поэт Огарев такое бы не написал.

¹⁵ Спасович В. Д. Собрание сочинений. Т. 5. С. 125.

¹⁶ Там же. С. 129.

¹⁷ Там же. С. 128.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 130.

«Возможно, Достоевский был склонен разделять мнение Спасовича» (12, 203). Отмечалось также и возможное обратное влияние Достоевского на Спасовича — возможно, именно из-за самого названия «Бесы» адвокат представлял Нечаева, который на тот момент находился за границей, а потому не был в числе обвиняемых, неким исчадием ада²⁰. Возможно, выступление Спасовича отчасти повлияло и на легенду об Иване-царевиче. «Он возымел еще в январе 1869 г. мысль гениальную, он задумал (живой человек) создать самому для себя легенду, сделаться мучеником и прослыть таковым на всю землю русскую»²¹, — говорит Спасович о Нечаеве. Возможно, что и отношения Петруши с Юлией Михайловной также навеяны описанием отношений Нечаева и Томиловой (по результатам защиты Спасовича Томилова была полностью оправдана): «Нечаев явился к Томиловой в 1868 году. <...> Он пришел к ней под видом получения латинских уроков, познакомился, зашел раз, другой, понравился, как человек бойкий; резкость его манер, резкость речи принимали за откровенность и прямоту. Нечаев, вообще, человек, могущий производить впечатление, внушать уважение к себе и даже привязывать, из чего не следует, чтобы он сам привязывался»²². Таким образом, изображение дела Нечаева и его фигуры в речах Спасовича могли повлиять на многие детали повествования Достоевского.

Здесь также проявляются риторические приемы Спасовича, о которых писал В.В. Виноградов применительно к его речи в защиту Кроненберга, а именно замена выражений, оказывающих на слушателей сильное эмоциональное воздействие, на более нейтральные; так, например, истязание девочки Кроненбергом становится «наказанием»²³. На процессе нечаевцев Спасович заявляет: «Здесь я теряю почти всякую возможность защищать Кузнецова. Я вполне сознаю, что он нехорошо поступил, весьма нехорошо; ему следовало бы, выходя от Успенского, взять извозчика и отправиться к Иванову предупредить его»²⁴. По сути дела, вместо убийства Спасович предлагает суду думать о «нехорошем поступке».

Тенденция Спасовича делать историко-философские обобщения в своих судебных выступлениях проявилась и на процессе нечаевцев в весьма любопытной форме. Указывалось, что он видит корни молодежного радикализма в любви к народу и в желании докопаться до сути вещей²⁵, но Спасович объясняет уход этой любви в радикализм через

²⁰ Чернова М.С. «...Что считать за правду»: В.Д. Спасович и Ф.М. Достоевский о так называемом «нечаевском деле» // Весник Брэскага ўніверсітэта. Сер. 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. 2010. № 1. С. 53.

²¹ Спасович В.Д. Собрание сочинений. Т. 6. С. 142.

²² Там же. С. 190.

²³ Виноградов В.В. О художественной прозе // Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М., 1980. С. 123–146, особ. с. 125.

²⁴ Спасович В.Д. Собрание сочинений. Т. 6. С. 169.

²⁵ Чернова М.С. «...Что считать за правду». С. 51.

национально-фундированную историософию. «У молодого человека нашего века главное, первенствующее чувство, с которым он вступает в мир, есть чувство прекрасное, преблагородное, это чувство любви к народу, чувство демократическое, желание идти в этот народ, сжиться с ним. <...> Это неопределенное демократическое чувство должно чем-либо выражаться. Способ его выражения в значительной степени зависит от национальности. <...> Поляк любит народ, т. е. свой народ, у этого народа есть богатое прошлое, есть в прошлом многое, от чего и донныне бьется сердце у современников. Это прошлое и возникает перед его глазами в пурпуре и злате, в дивном величии, и он кидается в это национальное прошлое с тем, чтобы осуществить посредством него свои демократические мечтания. Вот каким способом делается он революционером. Другое дело русский юноша. Прошлое его небогато, весьма небогато, что ни говори славянофильство; настоящее сухо, бедно, голо, как степь раскатистая, в которой можно разгуляться, но не на чем остановиться! Та размахистость русской природы, о которой так много говорят, тот радикализм, который замечен в большинстве русских деятелей, происходит именно от неимения прошлого, от отсутствия культуры, от того, что не на что опереться. Радикализм этот есть самая крупная, всего более выдающаяся черта в деятелях русских; почти всякий молодой человек делается радикалом, то есть по необходимости, по естественному ходу идет докапываться до корня вещей, до сути отношений, до самой сокровеннейшей подкладки; он пробивается разлагающим эти отношения умом сквозь государство, сословность, религию, науки, искусство, сквозь все эти оболочки, и останавливается на том, откуда дальше и пути никакого нет — на экономическом основании быта, на противоположностях и борьбе с одной стороны капитала и собственности, с другой стороны — труда»²⁶.

Здесь узнаются идеи, весьма сходные с идеями Чаадаева из его Первого философического письма, о котором Достоевский писал «гадкая статья Чаадаева» (20, 190)²⁷. Но если Чаадаев противопоставляет Россию абсолютно всему миру, не только Западу, но и Востоку и Новому свету («Взгляните на народы северной Америки, которых искореняет с таким усердием материальная цивилизация Соединенных Штатов: среди них имеются люди, удивительные по глубине. А теперь,

²⁶ Спасович В. Д. Собрание сочинений. Т. 6. С. 157.

²⁷ К. А. Баршт подробно и наглядно сравнивает идеи Чаадаева в Первом философическом письме и Ф. М. Достоевского. См.: Баршт К. А. О «гадкой статье Чаадаева» и «смрадной букашке Белинском»: Ф. М. Достоевский и западничество (несколько аллюзий и реминисценций) // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. Т. (2), № 4. С. 56–75, особ. с. 60. Соотношение идей Чаадаева и Достоевского рассматривает также В. М. Розин, указывая на эволюцию идей Чаадаева и на значительное сходство их зрелой формы и идей Достоевского. См.: Розин В. М. Осмысление Ф. М. Достоевским в «Дневниках писателя» миссии России и ее отношения к Европе // Культура и искусство. 2017. № 9. С. 46–47.

я вас спрошу, где наши мудрецы, где наши мыслители?»²⁸), то Спасович рассуждает исключительно об одной стране — Польше. Спасович был уроженцем Речицы в Минской губернии Российской империи (ныне в Гомельской области Белоруссии) и провозглашал: «...моя родина, моя Литва, или Белая, или Черная Русь, — разные разное ее называли. Эта родина преподана мне была в готовой форме, культурной, исторической, в форме польской культуры»²⁹. На процессе нечаевцев также проявилась его самоидентификация с польской культурой и представление о русской культуре (вернее, ее отсутствии с точки зрения Спасовича) как конституируемой в сравнении с культурой польской. По мысли Спасовича, демократические порывы польской молодежи можно направить в конструктивное русло, давая им в качестве ориентира великое польское прошлое, тогда как для русской молодежи такого исхода не существует, и они вынуждены обращаться к исключительно экономическому пониманию человека как такового и человека в истории. Но в отсутствие абсолюта в современном мире трудно представить себе иные основы историософии, кроме экономических, поэтому это противопоставление становится несколько безосновательным.

Национальная тема была для Спасовича весьма важной. Аналогичные национально-фундированные аргументы Спасович будет приводить и в деле Кроненберга, однако, в отличие от риторических приемов юриста, они освещались гораздо меньше, а если и затрагивались, то в отрыве от личности защитника. Рассуждая о Кроненберге, он говорит: «К. — почти иностранец, то есть, хотя он русский подданный, уроженец царства польского, но он более немец, и еще более француз»³⁰. Итальянская исследовательница И. Уччелло отмечает, что на отношение Достоевского к Кроненбергу могла повлиять и национальность банкира: «Кроненберг соединял в себе все три нелюбимых русским писателем национальности: этнический еврей (выкрест), родившийся и выросший в Варшаве, учившийся во Франции и воевавший за нее. <...> В случае Кроненберга на первый план была выдвинута не только национальность, но и аристократизм, богатство и ненавистный Достоевскому космополитизм. Соблазн противопоставления голоса такого героя голосам “простых русских женщин” оказался непреодолимым»³¹. Однако соображения национальности приложимы и к фигуре самого

²⁸ Чаадаев П. Я. Первое философическое письмо // Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 329.

²⁹ Спасович В. Д. Собрание сочинений. Т. 9. С. 271. Его в равной мере причисляют к российским, польским (*Pol K. Poczet prawników polskich XIX i XX w. Wyd. 2 / przejrzał i uzupełnił Adam Redzik. München: C. H. Beck, 2011. S. 253–272*) и белорусским юристам (так, Министерство юстиции Белоруссии проводит ежегодный правовой конкурс на приз имени Спасовича).

³⁰ Спасович В. Д. Собрание сочинений. Т. 6. С. 49.

³¹ Уччелло И. Риторика судебная и идеологическая: уголовный процесс в трактовке Достоевского // Мир русского слова. 2019. №4. С. 53.

В. Д. Спасовича. Применительно к Спасовичу это тем более справедливо, что очерку «Дело Кроненберга» в «Дневнике писателя» непосредственно предшествует «Мужик Марей», где трижды повторяется одна и та же фраза, произнесенная ссыльным поляком. В начале, после описания сцены усмирения Газина, Достоевский пишет: «Мне встретился поляк М-цкий, из политических; он мрачно посмотрел на меня, глаза его сверкнули и губы затряслись: “Je hais ces brigands!” — проскрежетал он мне вполголоса и прошел мимо» (22, 46). Затем он ложится на койку и снова вспоминает ссыльного поляка: «...в ушах звучали слова М-цкого: “Je hais ces brigands!”» (22, 47). И завершением рассказа опять становится возвращение к началу: «Встретил я в тот же вечер еще раз и М-цкого. Несчастный! У него-то уж не могло быть воспоминаний ни об каких Марейях и никакого другого взгляда на этих людей, кроме “Je hais ces brigands!” Нет, эти поляки вынесли тогда более нашего!» (22, 49–50). История мужика Марейя не только помогает рассказчику обрести связь с народом, но и подчеркивает обособление польских ссыльных³². Сложное отношение Достоевского к полякам, которых он чаще всего изображал в весьма неприглядном виде, анализировалось неоднократно, как в России, так и в самой Польше³³. «Польская тема» звучала и в «Записках из Мертвого дома»: «...в казармах наших была еще целая кучка поляков, составлявшая совершенно отдельную семью, почти не общавшуюся с прочими арестантами. Я сказал уже, что за свою исключительность, за свою ненависть к каторжным русским они были в свою очередь всеми ненавидимы. Это были натуры измученные, больные... <...> поляки составляли особую цельную кучку» (4, 54–55). По сравнению с «Мертвым домом» тон описания польских каторжников несколько меняется, и их обособление от остальных и от народа рисуется как их глубинная трагедия, при этом их страдания тем больше, чем больше их оторванность от всех и замкнутость в себе. Отмеченное И. Уччелло противопоставление Кроненберга «простым русским женщинам» логично продолжает тему национального обособления, поднятую в «Мужике Марее», и эта тематика актуальна для защитника, а возможно, даже более, чем для подзащитного, поскольку защитник сам сделал национальную принадлежность подзащитного и вытекающие из нее культурно-философские следствия частью своих юридических аргументов.

Но особенно громко тема конфликта между защитником и народом (в виде крестьянского жюри присяжных) возникает в «Братьях Карамазовых», где, как оказывается из речи защитника, ни денег не было, ни

³² Подробнее об этом см.: *Джексон Р.Л.* Искусство Достоевского. М., 1998. С. 25–33.

³³ См. хотя бы два примера: *Подрезов М.В.* Идеиные воззрения Ф.М. Достоевского на место Польши в России и мире // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. №49. С. 170–176; *Углик Я.* Образ поляков в романах и публицистике Ф.М. Достоевского. // Toronto Quarterly Review. 2011. №37. С. 136–149.

кражи не было, ни убийства не было. В свете высказываний Спасовича спор с подобным подходом к адвокатской практике выходит не просто на уровень полемики с либералами с их представлениями о русской истории и русском национальном характере³⁴. Для Достоевского это конфликт русского национального характера и его абсолютных оснований (насколько такое мнение было оправдано — другой вопрос) с философией права и человека у Спасовича, где закон исходит из самого человека, а характеристика человечности колеблется от эгоизма до способности к общежитию в силу необходимости существования права. Фетюкович, именующий Христа «распятым человеколюбцем» (15, 169), а не Богом (на что так напирал прокурор Ипполит Кириллович) — еще одна отсылка к Спасовичу с его антропоцентризмом. Название главы «Мужички за себя постояли» говорит именно об этом — «мужички» постояли за свой мир, основанный на существовании абсолюта в противовес миру, основанному на опредмеченной человечности. Вопрос о несправедливости такого приговора, о проблеме крестьянских жюри присяжных составляет предмет отдельного рассмотрения, и, конечно, динамика осуществления правосудия в «Братьях Карамазовых» крайне сложная, но несогласие присяжных с философской антропологией Спасовича — одна из важнейших ее составляющих.

В диалоге Спасовича и Достоевского реплика Спасовича последовала уже после кончины писателя. Спасович, бывший также литературным критиком (он писал о разных аспектах польской литературы, о Байроне и его предшественниках, о байронизме Мицкевича, Пушкина и Лермонтова, о Шекспире и Гамлете, о польской литературе), 31 января 1887 г. на поминальном обеде по поводу пятидесятилетия со дня смерти поэта произнес свою Пушкинскую речь. Заявляя, что лучше всего чествовать Пушкина правдой, Спасович говорит: «Мне нет никакого дела до того полумифического Пушкина, каким он был изображен в одной из известных речей, произнесенных 8-го июня 1880 г.; до “всечеловека”, не то Христа, не то святого духа Параклита, обладавшего дивною, невиданною и никогда не встречавшеюся способностью воплощать свой народный дух в дух других народов и в этом смысле народного. Такая способность перевоплощения была бы на мой взгляд лишь высшею степенью подражательности, а Пушкин был лучше и выше того — он был сам собой»³⁵. Спасович пытался превратить «всечеловечность» в «многонациональность», ссылаясь при этом на Достоевского: «Достоевский был прав, многонационалистом

³⁴ В комментариях к «Дневнику писателя» В. Д. Рак так подытоживает цели и задачи Достоевского в критике адвоката в деле Кроненберга: «Посвящая данную главу “Дневника писателя” разбору его речи в защиту отца-истязателя, Достоевский ставил себе целью не только критику адвокатской казуистики, но и дискредитацию в его лице типа либерального деятеля и тем самым либерализма в целом» (*Достоевский Ф. М. Собрание сочинений*: в 15 т. Л., 1988–1996. Т. 13. С. 448).

³⁵ *Спасович В. Д. Собрание сочинений*. Т. 1. С. 211.

были и Ленский в “Онегине”, с душою чисто геттингенской, и люди 1812 года и сам Пушкин — француз по уму и образованию. Я до конца жизни буду противником исключительного национализма и буду стоять за многонационализм, за совмещение нескольких национальных душ в одном самосознании»³⁶.

М. С. Чернова, сопоставляя речи Спасовича и Достоевского, подытоживает: «Выводы Спасовича об эстетическом аристократизме Пушкина, об отсутствии общественного значения его творчества, недооценка роли поэта в национальной и общечеловеческой культуре вызывали не только критические отзывы, но порой и оскорбительные нападки. Его обвиняли в отсутствии глубины понимания предмета и оригинальности в суждениях. “Все его мысли — подняты с улицы”, — заявит В. В. Розанов и объявит Спасовича чуть ли не врагом России, который “не может перенести, что Пушкин народен и историчен” <Розанов В. В. Два вида «правительства» // Новое время. 1897. 15 июля. С. 2>. Однако данные высказывания религиозных философов продиктованы, прежде всего, идеологическими расхождениями с западником Спасовичем»³⁷.

Спасович словно бы сфокусировал в себе практически все, что вызывало отрицательную реакцию Достоевского. Его адвокатская казуистика составляла предмет постоянных опровержений Достоевского; вполне вероятно, что и его либеральные взгляды, и постоянное противопоставление русской и польской культур не в пользу культуры русской не прошли мимо внимания писателя. Но это было не главное. Истоком их полемики, вышедшей даже за пределы жизни Достоевского, были диаметрально противоположные философские антропологические воззрения. Достоевский видел бытие человека в мире структурированным вертикально — определяющим в этом бытии были отношения человека с абсолютом. В человеке присутствует отражение Бога, Его образ, и задача человека — открыть этот образ в себе и других и так обрести и других, и подлинного себя, и Бога. «Постарайтесь любить ваших ближних деятельно и неустанно. По мере того, как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии Бога, и в бессмертии души вашей. Если же дойдете до полного самоотвержения в любви к ближнему, тогда уж несомненно уверуете, и никакое сомнение даже и не может зайти в вашу душу» (14, 52). Для Спасовича же человек существовал в сугубо горизонтальном измерении, и все, что определяло его бытие, он извлекал из самого себя. Такой человек мог стать и «собачкой», как проститутка Авдеева в изображении адвоката. Но идеальный человек Спасовича — это человек Кириллова, который стал богом без самоубийства, просто в силу юридических установлений. Такого человека Достоевский принять не мог.

³⁶ Спасович В. Д. Собрание сочинений. Т. 9. С. 273.

³⁷ Чернова М. С. В. Д. Спасович и Ф. М. Достоевский. Две «речи» об А. С. Пушкине // Русский язык в контексте культуры: Сборник научных статей. Могилев, 2010. С. 309.

Библиографический список

- Барит К. А.* О «гадкой статье Чаадаева» и «смрадной букашке Белинском»: Ф. М. Достоевский и западничество (несколько аллюзий и реминисценций) // *Философические письма. Русско-европейский диалог.* 2019. Т. (2), №4. С. 56–75.
- Виноградов В. В.* О художественной прозе // *Виноградов В. В. О языке художественной прозы.* М., 1980. С. 123–146.
- Джексон Р. Л.* Искусство Достоевского. Бреды и ноктюрны. М., 1998. 288 с.
- Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений: в 15 т. Л., 1988–1996. Т. 13. 541 с.
- Евлампиев И. И.* Достоевский и Фихте // *Достоевский. Материалы и исследования.* Т. 21. СПб., 2016. С. 274–290.
- Застольные речи В. Д. Спасовича в собраниях сословия присяжных поверенных округа С.-Петербургской судебной палаты (1873–1901). Лейпциг, 1903. 104 с.
- Малофеев М. М., Желудков М. А.* Влияние В. Д. Спасовича на становление института адвокатуры после судебной реформы 1864 года // *Юридическая наука: история и современность.* 2021. №7. С. 176–181.
- Подрезов М. В.* Идеиные воззрения Ф. М. Достоевского на место Польши в России и мире // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология.* 2019. №49. С. 170–176.
- Розин В. М.* Осмысление Ф. М. Достоевским в «Дневниках писателя» миссии России и ее отношения к Европе // *Культура и искусство.* 2017. №9. С. 37–52.
- Салтыков-Щедрин М. Е.* Собрание сочинений: в 20 т. М., 1965–1977. Т. 4. 611 с.
- Спасович В. Д.* Собрание сочинений: в 10 т. СПб., 1889–1902.
- Спасович В. Д.* Учебник уголовного права. СПб., 1863. 428 с.
- Узлик Я.* Образ поляков в романах и публицистике Ф. М. Достоевского. // *Toronto Quarterly Review.* 2011. №37. С. 136–149.
- Учебник уголовного права, г. Спасовича // *Отечественные записки.* 1863. №3–4. 3-я паг. URL: http://az.lib.ru/s/spasowich_w_d/text_1863_uchebnik_oldorfo.shtml (дата обращения 10.10.2023).
- Уччелло И.* Риторика судебная и идеологическая: уголовный процесс в трактовке Достоевского // *Мир русского слова.* 2019. №4. С. 48–54.
- Фихте И. Г.* Назначение человека // *Фихте И. Г. Сочинения: в 2 т.* СПб., 1993. Т. 2. С. 65–224.
- Чаадаев П. Я.* Первое философическое письмо // *Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т.* М., 1991. Т. 1. С. 320–339.
- Чернова М. С.* «...Что считать за правду»: В. Д. Спасович и Ф. М. Достоевский о так называемом «нечаевском деле» // *Вестник Брэсцага універсітэта.* Сер. 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. 2010. №1. С. 49–56.
- Чернова М. С.* В. Д. Спасович и Ф. М. Достоевский. Две «речи» об А. С. Пушкине // *Русский язык в контексте культуры: сборник научных статей.* Могилев, 2010. С. 306–310.
- Юхнович Ю. В.* Адвокатская тема в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // *Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: современное состояние изучения / под ред. Т. А. Касаткиной.* М., 2022. С. 597–607.

- Jackson R. L. *Dialogues with Dostoevsky. The Overwhelming Questions*. Stanford: Stanford University Press, 1983. 346 p.
- Kovalevskaya T. V. Dostoevsky and scholastic theology: Points of intersection // Достоевский и мировая литература. Филологический журнал. 2021. № 1. С. 106–123.
- Pol K. *Poczet prawników polskich XIX i XX w. Wyd. 2 / przejrzał i uzupełnił A. Redzik*. München: C. H. Beck, 2011. 1246 s.

References

- Barsht K. A. O “gadkoi stat’e Chaadaeva” i “smradnoi bukashke Belinskom”: F. M. Dostoevskiy i zapadnichestvo (neskol’ko alliuzii i reministsentsii) [On the “nasty article of Chaadaev” and the “stinking bug Belinsky”: F. M. Dostoevsky and Westernism (several allusions and reminiscences)]. *Filosoficheskie pis’ma. Russko-evropeiskii dialog*, 2019, vol. (2), no. 4, pp. 56–75. (In Russ.)
- Chaadaev P. Ia. Pervoe filosoficheskoe pis’mo [The first philosophical letter]. In: Chaadaev P. Ia. *Polnoe sobranie sochinenii i izbrannye pis’ma*: in 2 vols. Vol. 1. Moscow, 1991. Pp. 320–339. (In Russ.)
- Chernova M. S. “...Chto schitat’ za pravdu”: V. D. Spasovich i F. M. Dostoevskii o tak nazyvaemom “nechaevskom dele” [“...What should be considered as truth”: V. D. Spasovich and F. M. Dostoevsky on the so-called “Nechayevsky affair”]. *Vestnik Brestskaga universiteta. Ser. 3. Filalogiia. Pedagogika. Psikhologiiia*, 2010, no. 1, pp. 49–56. (In Russ.)
- Chernova M. S. V. D. Spasovich i F. M. Dostoevskii. Dve “rechi” ob A. S. Pushkine [V. D. Spasovich and F. M. Dostoevsky. Two “speeches” about A. S. Pushkin]. In: *Russkii iazyk v kontekste kul’tury: Sbornik nauchnykh statei*. Mogilev, 2010. Pp. 306–310. (In Russ.)
- Dostoevsky F. M. *Sobranie sochinenii* [Works]: in 15 vols., vol. 13. Leningrad, 1988–1996. 541 s.
- Evlampiev I. I. Dostoevskii i Fichte [Dostoevsky and Fichte]. In: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, vol. 21. Saint Petersburg, 2016. Pp. 274–290. (In Russ.)
- Fichte J. G. Naznachenie cheloveka [The purpose of man]. In: Fichte J. G. *Sochineniia*: in 2 vols. Vol. 2. Saint Petersburg, 1993. Pp. 65–224. (In Russ.)
- Jackson R. L. *Dialogues with Dostoevsky. The Overwhelming Questions*. Stanford: Stanford University Press, 1983. 346 p.
- Jackson R. L. *Iskusstvo Dostoevskogo. Bredy i noktiurny* [The Art of Dostoevsky. Delirium and Nocturnes]. Moscow, 1998. 288 p. (In Russ.)
- Kovalevskaya T. V. Dostoevsky and scholastic theology: Points of intersection. *Dostoevskii i mirovaia literatura. Filologicheskii zhurnal*, 2021, no. 1, pp. 106–123.
- Malofeev M. M., Zheludkov M. A. Vliianie V. D. Spasovicha na stanovlenie instituta advokatury posle sudebnoi reformy 1864 goda [The influence of V. D. Spasovich on the formation of the institution of advocacy after the judicial reform of 1864]. *Iuridicheskaiia nauka: istoriia i sovremennost’*, 2021, no. 7, pp. 176–181. (In Russ.)
- Podrezov M. V. Ideinye vozzreniia F. M. Dostoevskogo na mesto Pol’shi v Rossii i mire [Ideological views of F. M. Dostoevsky on the place of Poland in Russia

- and the world]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofii. Sotsiologii. Politologii*, 2019, no. 49, pp. 170–176. (In Russ.)
- Pol K. *Poczet prawników polskich XIX i XX w.*, wyd. 2, przejrzał i uzupełnił Adam Redzik. München: C. H. Beck, 2011. 1256 p. (In Pol.)
- Rozin V. M. Osmyslenie F. M. Dostoevskim v “Dnevnikakh pisatel’ia” missii Rossii i ee otnosheniia k Evrope [F. M. Dostoevsky’s understanding of Russia’s mission and its relationship to Europe in the “Diaries of a Writer”]. *Kul’tura i iskusstvo*, 2017, no. 9, pp. 37–52. (In Russ.)
- Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochinenii* [Works]: in 20 vols. Moscow, 1965–1977. Vol. 4. 611 p. (In Russ.)
- Spasovich V. D. *Sobranie sochinenii* [Works]: in 10 vols. Saint Petersburg, 1889–1902. (In Russ.)
- Spasovich V. D. *Uchebnik ugovornogo prava* [Criminal law textbook]. Saint Petersburg, 1863. 428 p. (In Russ.)
- Uccello I. Ritorika sudebnaia i ideologicheskaia: ugovorny protsess v traktovke Dostoevskogo [Judicial and Ideological Rhetoric: Criminal Procedure as Interpreted by Dostoevsky]. *Mir russkogo slova*, 2019, no. 4, pp. 48–54. (In Russ.)
- Uchebnik ugovornogo prava, g. Spasovicha [Criminal law textbook by mr. Spasovich]. *Otechestvennye zapiski*, 1863, no. 4. URL: http://az.lib.ru/s/spasovich_w_d/text_1863_uchebnik_olderfo.shtml (дата обращения 10.10.2023). (In Russ.)
- Uglik J. Obraz poliakov v romanakh i publitsistike F. M. Dostoevskogo [The image of Poles in the novels and journalism of F. M. Dostoevsky]. *Toronto Quarterly Review*, 2011, no. 37, pp. 136–149. (In Russ.)
- Vinogradov V. V. O khudozhestvennoi proze [About fiction]. In: Vinogradov V. V. *O iazyke khudozhestvennoi prozy*. Moscow, 1980. Pp. 123–146. (In Russ.)
- Yukhnovich Yu. V. Advokatskaia tema v romane F. M. Dostoevskogo “Podrostok” [The lawyer theme in F. M. Dostoevsky’s novel “The Adolescent”]. In: *Roman F. M. Dostoevskogo “Podrostok”: sovremennoe sostoyanie izuchenii*, pod red. T. A. Kasatkinoi. Moscow, 2022. Pp. 597–607. (In Russ.)
- Zastol’nye rechi V. D. Spasovicha v sobraniiah sosloviia prisiaznykh poverennykh okruga S.-Peterburgskoi sudebnoi palaty (1873–1901)* [Table speeches of V. D. Spasovich at meetings of the class of attorneys of the district of the St. Petersburg judicial chamber (1873–1901)]. Leipzig, 1903. 104 p. (In Russ.)